

Люба-Любава

Грустить и радоваться

Каждый человек рано или поздно выдумывает
для себя историю, которую считает своей жизнью.

Макс Фриш,

швейцарский писатель XX века

1.

Люба не успела дойти до конца перрона, а на встречном пути показался новый поезд. Она остановилась, глядя на проходящие вагоны. Нина Васильева встречала состав со свёрнутым жёлтым флажком. Она держала его над головой на вытянутой руке, и Любе показалось, что дежурная по станции немного раскачивает флажком в такт стучащим колёсам.

Поезд Тынды — Москва торопился, словно пытался догнать проследовавший через Бирюсинку полчаса назад пассажирский из Владивостока.

Тында...

Именно туда, в Тынду — столицу Байкало-Амурской магистрали, и уехал Генка Васильев, брат Нины. На БАМ, в район Тынды, он попал сразу по призыву в армию. Железнодорожные войска строили восточный участок магистрали, и Генка оказался в гуще исторических событий. Он присылал и Любе

и домой фотографии солдат-железнодорожников. Несколько таких фотографий, где Генка с друзьями в тайге прокладывает рельсы, вывешивали на стендах начальной школы станции Бирюсинка и средней школы Городка на Бирюсе.

Генка... Генка...

Если бы не он, то, может быть, и судьба Любы сложилась бы по-другому.

«Может, по-другому, а может, и нет...»

Она хотела поступать в медицинское училище после восьми классов, но Генка, собиравшийся было ехать в Красноярск, в речное училище, вдруг передумал и стал убеждать Любу не торопиться с решением, а вместе пойти в девятый класс.

— В училище твоё, как и моё, можно же и после десяти классов поступить, — говорил он ей. — После восьми ты только на медсестру выучишься, а после десяти — на фельдшера.

Люба так и не узнала, разговаривал ли тогда Генка с её мамой, но Катерина Петровна, ранее разделявшая планы Любы, вдруг заговорила так же, как и он, предлагая пойти дочери в девятый класс, а поступать в училище после окончания школы.

Ещё больше Люба удивилась, когда ей о том же сказала при встрече её первая учительница Наталья Степановна:

— Не торопись, Любавушка, с решением, иди в девятый класс. За два года станешь ещё взрослее, может, какое-то другое призвание в себе откроешь.

О том, что за два года может многое произойти, постоянно говорил ей и Генка.

Конечно же, особое внимание к ней Генки Васильева было замечено и в школе, и в посёлке. Они вместе готовились к школьным экзаменам, и когда экзамены сдали, Генка устроился работать на лето в сплавконтору. Сплавлять лес по Бирюсе ему по возрасту не доверили, но работу на берегу, как и нескольким другим бывшим восьмиклассникам, нашли. А Люба в июле и августе ходила с одноклассниками в лесничество — ухаживала за молодыми кедрами, делала прополку, поливку, взрыхляла почву.

«Наверное, Генка всё-таки из-за меня не поехал в речное», — думала Люба, не зная, правильно ли она сделала, что

не стала поступать после восьми классов. А ей так хотелось, так не терпелось надеть на себя белый медицинский халат.

За два лета и два учебных года их отношения с Генкой не изменились. Они часто вместе торопились по утрам на электричку, ехали в школу и вместе возвращались. Бывало, вместе делали домашнее задание и ездили по выходным в Тайшетград — в кино или на шахматные соревнования.

Катерина Петровна и родители Генки смотрели на их отношения спокойно.

«Дружба — это не любовь, а дальше — время рассудит. Генке нужно отслужить в армии, получить профессию, Любе — проступить и закончить училище. Поживём — увидим...» — примерно так считали взрослые.

Отец Генки — крановщик, складировал в штабеля лес на верхнем складе и отгружал его в вагоны. В сплавконторе работала и его мать — вела учёт поступившего и отгруженного леса.

Летом на Бирюсу из Красноярска приходил небольшой катер. Он растаскивал заторы на реке, доставлял сплавщиков на дальние участки, выполнял, как говорили в посёлке, хозяйственные работы. Увидев на берегу катер, Генка, если была возможность, торопился подойти поближе и, проявляя интерес к технике, вызывался помочь капитану или его помощнику-мотористу. И никто в Бирюсинке не удивился тому, что в лето 1980 года, когда Генка перешёл в десятый класс, его взяли на катер матросом.

В то лето и Люба впервые надела белый халат. По правде говоря, белый халат она давно сшила сама и иногда примеряла его дома перед зеркалом, но летом 1980 года, когда она подменяла санитарку в фельдшерско-акушерском пункте, халат ей там выдали другой, и носила она его целых две недели, как говорила с улыбкой мама, «на законных основаниях», выполняя порученную работу.

2.

Да, Генка Васильев повлиял на то, что Люба пошла в медицинское училище на два года позже, и, наверное, на то, что, всё время находясь рядом с ней, не оставлял шансов

другим парням. А в старших классах Люба чувствовала и даже видела, что были ребята, которым она нравилась. И в школе Городка на Бирюсе ей оказывали мимолётные знаки внимания, а уж на районных шахматных турнирах, когда она занимала призовые места, у неё появлялись явные поклонники. Правда, они, заметив рядом с ней Генку Васильева, лишь издали кивали и улыбались. Люба думала иногда, что если бы не Генка, то она могла бы подружиться с кем-нибудь из них, увлечься и, может, даже полюбить, и тогда она бы не была такой одинокой, как сейчас...

3.

С Генкой они даже и не поцеловались как следует...

А Люба и не знала: как следует?

Когда они учились в девятом классе, Генка как-то при расставании попытался поцеловать её в щёку. Люба тогда оттолкнула его и убежала. После этого Генка несколько дней боялся глянуть в её сторону и избегал разговоров. Потом эта неловкость между ними сгладилась, и они снова проводили время вместе, но держали дистанцию, называемую среди молодёжи «пионерским расстоянием».

На следующее лето Люба с мамой собирались поехать в Москву, но в столице начались Олимпийские игры, и въезд туда во второй половине июля и в начале августа был ограничен, и они поехали в Иркутск к маминой подруге и на Байкал. А когда вернулись, Любе предложили подменить на время отпуска санитарку в фельдшерско-акушерском пункте. Генка всё это время был своей занят работой на катере, и они почти не виделись.

После десятого класса Люба поступила в медучилище в Тайшетграде, а вот Генка почему-то передумал ехать в Красноярск. Летом работал матросом на катере, зимой — подсобным рабочим на верхнем складе сплавконторы. В мае 1982 года его призвали в армию. Он, было видно, с нетерпением ждал этого призыва и уезжал служить с хорошим настроением.

В тот день, когда Генка, вместе с другими новобранцами, уезжал на восток с перрона тайшетградского вокзала, Люба

отпросилась от занятий в училище и пришла его проводить. Вот тогда Генка сделал попытку поцеловать её во второй раз, и Люба этому не сопротивлялась. Да и никто не сопротивлялся. Генка обнимал и целовал всех односельчан и знакомых. Он обнял и поцеловал Любу точно так же, как и других девочек-одноклассниц, как и своих сестрёнку и мать.

Два года он писал ей письма, присылал фотографии. О любви в письмах ничего не было. Генка рассказывал о друзьях, о службе, о работе. Он приехал ненадолго в июне 1984 года, когда Люба уже работала в фельдшерско-акушерском пункте станции Бирюсинка. И тогда, в 1984 году, судьба Любы могла сделать поворот. Генка звал её с собой. Он рассказывал о том, что скоро получит в Тынде благоустроенную квартиру, что строители Байкало-Амурской магистрали вот-вот соединят восточный участок с западным и будет уложено «золотое звено».

— Представляешь: мы в центре события века! Мы завершаем небывалое в мире строительство! И я — участник этих событий! Я строил эту магистраль! Понимаешь? Мы будем жить в столице БАМа! И тебе там найдётся работа! Там нужны медработники в новую железнодорожную больницу!

Генку было не узнать. Это был уже не тот нерешительный паренёк-школьник и даже не жаждущий прокатиться на катере юноша. Это был другой человек: целеустремлённый, с горящим взглядом, с верой в себя, в своё будущее.

И Люба бы, наверное, не устояла перед его решимостью, перед его верой и его напором, но...

Но она не могла тогда поехать с ним. Как не смогла осуществить свою давнюю мечту — побывать в Москве. В лето 1984 года сильно заболела и слегла её мама. Болезнь Катерины Петровны расстроила поездку Любы в Москву, и она, конечно же, не поехала с Генкой.

— Ты как та Любаша из фильма про Ивана Бровкина. Он зовёт её с собой на целину, а она не едет... — говорила ей потом мама, печально улыбаясь.

— Нет, мама, я не та Любаша — дочь председателя колхоза, которую отец не пускает. Я — Любава, у которой мама сильно болеет...

— Эх, доченька, из-за меня, из-за моей болезни и в Москву ты не уехала и, может быть, счастье своё упустила... — вздыхала тогда Катерина Петровна.

Генка ещё дважды приезжал в Бирюсинку.

Осенью 1985 года, когда страна говорила о перестройке и казалось, что скоро наступит новая счастливая жизнь, он снова звал её с собой. Говорил, что получил однокомнатную квартиру с большой, просторной кухней, на которой пусто без хозяйки; что он выучился на помощника машиниста тепловоза и теперь формирует на станции Тында грузовые составы; что он готов забрать Любу вместе с её мамой.

— Комната у меня большая, места троим хватит. А если узнают, что я ещё и тещу привёз, то двухкомнатную квартиру сразу дадут.

И хотя Катерине Петровне в то время было полегче, на переезд они не решились.

— Да куда же я, Любава, от родных мест поеду? — то ли спрашивала Любу, то ли размышляла сама с собой Катерина Петровна. — Тут и родители мои похоронены. Тут и моё место рядом с ними... А если вдруг отец твой приедет, где он нас искать будет? А ты езжай, если любишь... Я проживу одна... Дмитрий Алексеевич, начальник станции наш, слава Богу, заботится обо мне... Помогает чем может, добрый человек... Езжай, не теряй своего счастья. А если что со мной, то тебе сообщат...

— Да что ты, мама? Куда я от тебя? Бирюсинка и моё родное место, и я отсюда, как и ты, — никуда!

И Генка снова уехал один.

Любила ли Люба его? Да, она порой испытывала к нему интерес, думала о нём, но не больше. Он не был рыцарем её сердца, и, скорее всего, это и стало главным, когда Люба принимала решение.

Через два года Генка женился. Времена тогда уже были другими. Радужные мечты о новой счастливой жизни разбились о суровую реальность всеобщего переустройства. Закрывались предприятия, сокращение рабочих мест сказывались на жизни всей страны. Байкало-Амурскую магистраль, в строительство которой было вложено немало денежных средств и энтузиазма людей, посчитали нерентабельной и

многие работы остановили. Люди стали уезжать с БАМа. Генка на своей работе удержался и остался в Тынде. В Бирюсинку, вместе с женой и двумя детьми, он приезжал в середине девяностых. Выбрав время, он пришёл к ней в ФАП, и они поговорили.

И это снова был другой человек: взвешенный, рассудительный, мечтающий накопить денег и уехать жить с семьёй к морю.

4.

И ещё раз судьба испытала её в канун нового тысячелетия. Тогда уже не было в живых мамы. На базе железнодорожной больницы проходил семинар медработников, куда пригласили и медперсонал ФАПов. С работой больницы Тайшетградского отделения знакомил всех сорокалетний врач-терапевт. Небольшого роста, черноволосый, улыбчивый человек расположил к себе всех лёгкостью общения. Он рассказывал просто, умно и доходчиво. Много шутил, задавал вопросы и, когда возникала пауза, сам же отвечал. Люба, как и другие женщины, прониклась к нему симпатией. И не без взаимности. К концу работы семинара она заметила, что врач-терапевт по имени Геннадий Васильевич выделяет её среди других. Он предложил подвезти её на своих «Жигулях» до вокзала, а потом пригласил поужинать в ресторане. Она согласилась.

Второй в её жизни Геннадий оказался вдовцом. Он воспитывал двенадцатилетнюю дочь и жил в частном доме, доставшемся ему от родителей. Они стали встречаться. Люба подружилась с его дочерью Галей, Галкой, как звал её отец. Два раза Геннадий, Люба и Галка ездили на «Жигулях» отдыхать на пляж речки Тайшетки, а потом Геннадий подвозил Любу к электричке. Он рвался доставить её до Бирюсинки, до её дома, но Люба не торопила события и не хотела, чтобы про Геннадия Васильевича узнали её соседи и знакомые.

Половину лета и всю осень продолжались их встречи в Тайшетграде, а в начале декабря Геннадий сказал ей, что ему предлагают переехать в Иркутск и стать главным врачом городской больницы.

Гена-второй, как и Гена-первый, поставил её перед выбором.

И она снова отказалась. И снова получала письма. Правда, от Геннадия Васильевича их было всего два.

В первом он писал о своей жизни на новом месте, о новой квартире, расположенной недалеко от реки Ангары и железнодорожного вокзала. И если Генка Васильев описывал ей кухню, то Геннадий Васильевич делал упор на спальню, куда собирался купить новую широкую деревянную кровать...

А во втором письме, через полгода после отъезда его в Иркутск, он написал, что время идёт, жизнь проходит, ждать и на что-то надеяться он уже не хочет и поэтому делает выбор — находит утешение в том, что есть рядом, а если точнее, то предлагает руку и сердце другой женщине.

5.

Люба присела на скамейку в конце платформы. Воспоминания не отпускали её. Торопившийся в столицу поезд из Тынды уже грохотал по мосту, Люба посмотрела на часы — до начала работы оставалось полчаса, и она решила посидеть на перроне ещё минут десять.

Она думала о любви. Есть ли она, любовь, на самом деле, или это выдумки поэтов? Может, это просто фантазии молодых девушек, мечтающих о романтических отношениях с героями, рыцарями, принцами? Может быть, любовью люди называют половые влечения, заложенные в них природой, а инстинкт продления рода принимают за чувства?

Ведь мог, мог же на месте Генки Васильева оказаться другой парень, оказывающий ей знаки внимания. И не исключено, что она бы подружилась с ним, как с Генкой. Если представить, что Генки Васильева не было на свете вообще, а был бы, к примеру, какой-нибудь Вася или Ваня, которому она бы понравилась, и понравилась только потому, что оказалась рядом, училась с ним в одном классе, то, наверное, она бы относилась к Васе или Ване точно так же, как и к Генке. А если бы Геннадий Васильевич не обратил тогда на семинаре медработников внимание на неё? И если бы вообще не она, а вместо неё другая незамужняя женщина-фельдшер, из другого ФАПа приехала тогда на семинар медработников, то вполне можно допустить, что

врач-терапевт симпатизировал бы ей и у них могли бы завязаться отношения...

«А про меня он бы и не узнал совсем... А как бы узнал, если бы не видел?»

Она удивилась тому, что только сейчас, здесь, на перроне станции Бирюсинка, сидя на скамеечке, поняла вдруг про случайно-неслучайное сходство — Генка Васильев и Геннадий Васильевич!

Интересно, а как звали того парня, которого она встречала дважды на вокзале в Тайшетграде: в ноябре 1978 года и летом 1980-го?

Когда они встретились во второй раз, столкнувшись у газетного киоска, он спросил: «Мы с вами знакомы?» — «Может быть...» — ответила она.

Узнал ли он её?

Она вспомнила и узнала его сразу, несмотря на то, что после первой их встречи там же, на вокзале, прошло больше двух лет. Тогда он был в солдатской форме: в шинели с погонами, в шапке. Но это был он! И он, было видно, тоже вспомнил, что видел её где-то, но где именно, наверное, не догадался. Она повзрослела, и он, скорее всего, не узнал в ней ту девчонку-восьмиклассницу, с которой разговаривал в ноябре 1978 года. И точно не узнал её позже, когда они с мамой ехали в Иркутск.

Они сели в Тайшеттграде в тот же поезд, в котором ехал он. Он проходил через их вагон и снова был в форме — на этот раз в куртке студента-проводника. Он шёл не один, а с друзьями: двумя парнями в таких же куртках и девушкой-красавицей с длинной пшеничной косой.

Люба читала книжку, когда по вагону проходила весёлая шумная компания. Она посмотрела на проходящих и узнала среди них его.

Но он не посмотрел в её сторону.